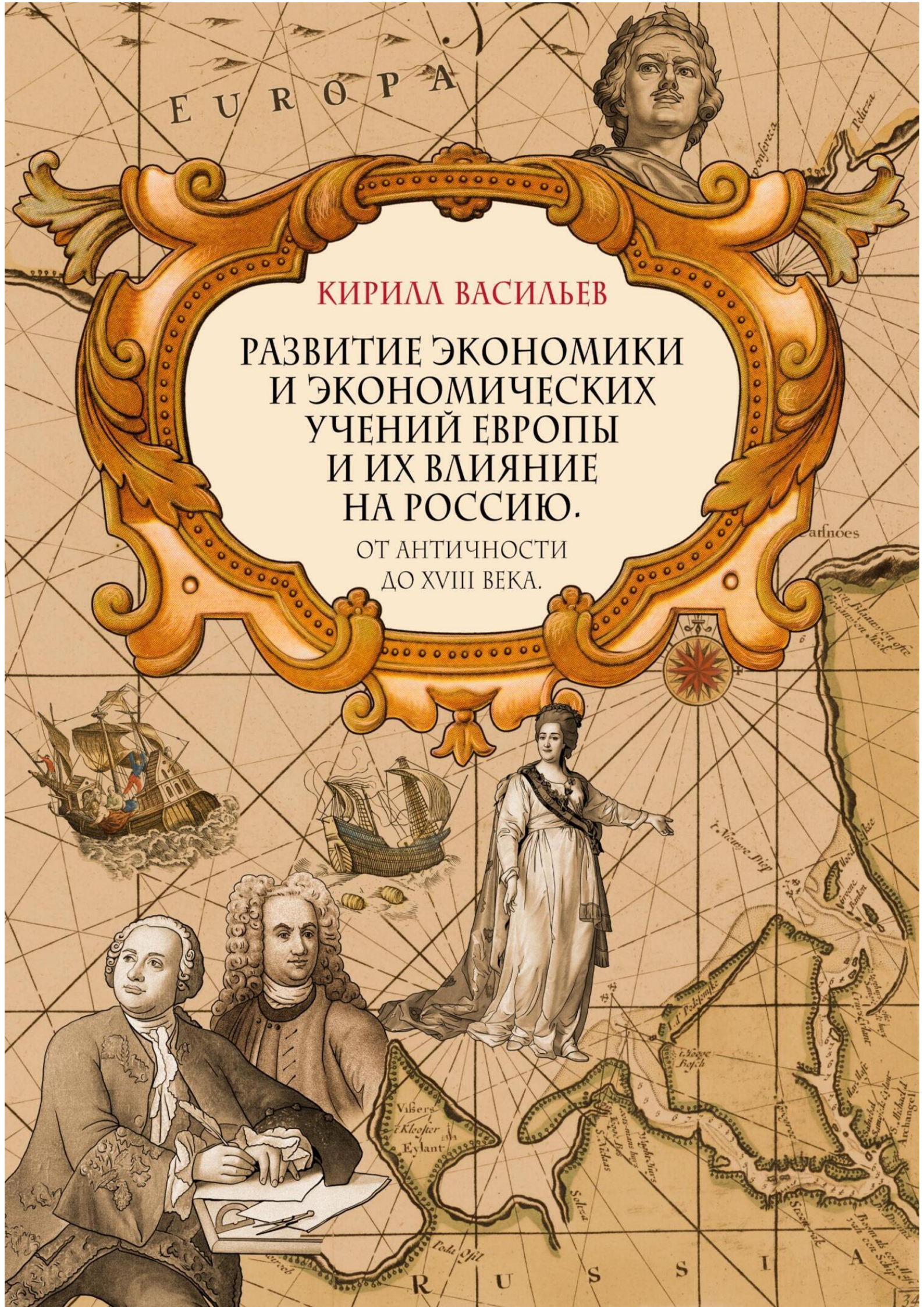

Е У Р О П А

КИРИЛЛ ВАСИЛЬЕВ

РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ
И ЭКОНОМИЧЕСКИХ
УЧЕНИЙ ЕВРОПЫ
И ИХ ВЛИЯНИЕ
НА РОССИЮ.

ОТ АНТИЧНОСТИ
ДО XVIII ВЕКА.

Кирилл Васильев

**Развитие экономики и
экономических учений Европы
и их влияние на Россию. От
античности до XVIII века**

«Автор»

2023

Васильев К.

Развитие экономики и экономических учений Европы и их влияние на Россию. От античности до XVIII века / К. Васильев — «Автор», 2023

Читателям предлагается изложение истории экономики Европы с Античности до XVIII века через призму анализа географических особенностей европейских стран и России и существовавших в те времена экономических воззрений. Главное внимание в книге обращено на влияние европейских экономических учений на экономическую мысль в России с целью понять, почему те или иные экономические идеи возникли, существовали, как влияли на Россию и почему не стали частью экономической реальности. Почему экономика государства Российского развивалась особым путем? Какие политэкономические идеи были распространены в стране в XIII—XVIII веках? Как прослеживается взаимосвязь экономического развития Европы с развитием политической экономии как науки России? Данная книга ответит на эти и другие вопросы, а потому она будет полезна экономистам, историкам, политологам и всем, кто интересуется историей мировой экономической мысли и взаимными .

© Васильев К., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Введение	5
Глава 1. История политической экономии до физиократов	8
§ 1. Зарождение политической экономии. Античное понимание экономики и первые труды, посвященные ей	9
§ 2. Политическая экономия в Средние века. Зарождение капитализма в Европе	14
§ 3. Меркантилизм как первое экономическое учение капитализма. Важнейшие идеи и представители	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Кирилл Васильев

Развитие экономики и экономических учений Европы и их влияние на Россию. От античности до XVIII века

Введение

К

огда мы говорим об истории отношений России с Европой, то тяжело найти государство, которое оказало бы большее влияние на нашу страну, чем Франция. Политика и социальные науки, военное дело, литература, живопись, архитектура, медицина и мода – французское влияние просматривалось практически во всех важнейших сферах жизнедеятельности Российского государства на этапе имперского периода его истории (начало XVIII – начало XX в.). Здесь мы даже не будем говорить обо всех тех заимствованиях, которые привнесли в русскую культуру французский язык и кулинария.

Более того, масштабы влияния Франции на Россию известны всякому, кто хоть немного знаком с российской историей либо с произведениями русской классической литературы. Существует огромное количество художественных, а также чисто научных (исторических, социологических, лингвистических) произведений, которые наглядно, на реальных фактах и статистике демонстрируют колоссальный вклад Франции во всестороннее развитие всех сфер российского общества.

Тем не менее влияние различных экономических школ, теорий и взглядов виднейших представителей французской политической экономии для большинства людей остается чем-то неизвестным. Мы видим в этом несколько причин.

Во-первых, сама политическая экономия представляет собой довольно сложную науку с богатейшей историей развития и множеством теорий, сменяющих друг друга, либо переплетающихся между собой, чтобы в итоге выйти в качественно новое учение. Понимание данной науки и определение ее закономерностей, выражающихся в экономической и социальной политике государства, является крайне сложным, требующим затраты сотен и тысяч часов на углубленное изучение данной сферы. Большинство граждан считает экономику скучной и тяжелой, многие же просто не имеют достаточного количества свободного времени на ее освоение.

Во-вторых, большинство обывателей ошибочно принижают роль экономики в жизни общества. Довольно распространенным является мнение о том, что экономика – лишь одна из сфер жизнедеятельности человека, равная по своей значимости социальной сфере, искусству, массовой культуре и другим сторонам общественной жизни. Между тем именно экономический строй и развитие экономической науки определяют развитие всех остальных сфер. Именно экономика, выражающаяся в уровне развития производительных сил и производственных отношений, определяет политический, социальный и культурный уровень общества.

Более того, очень часто значение слова «экономика» понимается обывателем в довольно узком смысле. Мы же предлагаем экономикой считать всю систему хозяйствования, систему производительных сил и производственных отношений конкретного общества. Экономика – это вопрос не только денег, которые выступают лишь в качестве универсального средства обмена. Экономика – это промышленное и сельскохозяйственное производство, это технологический уровень развития самих средств производства, это отношение между теми, кто про-

изводит, и теми, кто потребляет. Качественное и всестороннее изучение истории, социологии, политологии, культурологии и лингвистики невозможно без хотя бы поверхностного знания истории развития экономической мысли в тот или иной период, а также без понимания всех масштабов и глубины самого слова «экономика».

Наконец, в-третьих, в принципе существует относительно малое количество работ, посвященных французскому влиянию именно на экономическую политику в России. Тяжело найти работы, направленные на широкий круг читателей, само данное направление не имеет такой степени развития и популярности как, к примеру, сферы социологии и литературы.

Следовательно, задачей данного произведения является изучение вопроса влияния французских экономических школ и школы физиократов в частности на экономическую мысль и политику в России во второй половине XVIII в.

Стоит сразу отметить, что мы изначально не ставили своей целью написание многотомного труда о политической экономии или глубокое и всестороннее изучение всех перипетий русско-французских отношений. В данной небольшой книге будет представлен лишь краткий обзор истории развития политической экономии в Европе и во Франции в частности. Для этого в том числе нам придется сделать небольшое отступление в сторону рассмотрения истории развития экономической системы в Европе, начиная с Античности и заканчивая XVIII в. После этого мы перейдем к разбору учения экономической школы физиократов, зародившейся в начале XVIII в., а в дальнейшем сменившей господствующую в тот период теорию государственного протекционизма и меркантилизма. Мы также поговорим и о влиянии последнего на экономическую политику в России.

Тем не менее именно учение физиократов и его влияние на экономическую политику России в первый период правления Екатерины II (1762–1775 гг.), а также дальнейшая судьба этого учения в нашей стране занимают львиную долю данной книги.

Стоит оговориться, что, несмотря на относительно широкую популярность школы физиократов в Европе, в российском обществе она не имела такого влияния, которым до этого могло похвастаться учение меркантилистов, а в дальнейшем идеи классической политической экономии (А. Смит, Д. Рикардо, Т. Мальтус и др.). И все же идеи данного направления в политической экономии были на определенном этапе развития Российской империи крайне близки отечественным правящим кругам. Это напрямую вылилось в ряд указов, определявших развитие системы хозяйствования Российской империи на ближайшие десятилетия. Тот факт, что сами указы и намеченные программы были в скором времени свернуты, а экономическая политика России вновь взяла курс на государственный протекционизм и меркантилизм, ни в коем случае не отменяет значимости данного этапа нашей истории. Он демонстрирует, что Россия пыталась, следуя примеру в первую очередь Франции, а затем и других ведущих европейских держав, выйти на дорогу экономического либерализма, пропагандируемого физиократами. Тем не менее объективные факторы, существовавшие в российском обществе конца XVIII в., не позволили сделать учение физиократов ведущим в вопросах построения новой экономической политики. Все эти факторы и их природа также будут разобраны в заключительных главах данного произведения.

Сам же факт того, что влияние политэкономического учения физиократов на российское общество было затенено учениями меркантилистов и классиков политической экономии, еще сильнее подчеркивает значимость нашей работы.

В то же время мы не ставили своей целью возвысить физиократию над остальными политэкономическими теориями. В данной книге мы берем за основу реальные факты, а также критически подходим к основным положениям самого учения, рассматривая их в реалиях конкретного исторического контекста. От читателя мы просим следовать такому же принципу.

Не стоит забывать, что всякое экономическое, политическое или социологическое учение есть продукт своего времени. Оно так или иначе базируется на конкретных исторических

реалиях и обуславливается закономерным и объективным развитием всего общества. Вопрос состоит лишь в том, можем ли мы назвать конкретное учение прогрессивным для конкретного исторического периода и конкретных реалий, либо же оно является регрессивным и выступает как следствие общественной реакции на объективное движение исторического процесса.

Из этого следует, что всякий перенос учений многовековой давности на современные реалии является едва ли уместным, а в худшем случае ошибочным. То же самое можно сказать о переносе теорий и практик, эффективно работающих в одной местности, одном государстве или регионе, на другие территории, качественно отличающиеся от первых. Не стоит думать, что мир или хотя бы Европа являются чем-то однородным, чем-то существующим в вакууме. Каждый регион Европы обладает своими в первую очередь географическими особенностями. Эти особенности существенно влияют в том числе и на экономику самого региона, на принятую в нем систему хозяйствования. Данный фактор необходимо учитывать при сравнении действия и уровня принятия тех или иных политэкономических теорий, и теории физиократов в частности, во Франции и России. Именно поэтому в данной работе мы также остановимся на кратком описании и сравнении конкретных географических и экономических реалий обоих государств.

В заключение данного довольно долгого вступления мы хотим подытожить то, о чем говорилось выше. Цель данной работы – кратко осветить историю влияния в первую очередь французских экономических школ и теорий на экономическую науку и политику в России. Основной же упор будет сделан на политэкономическую школу физиократов. Наша задача – проследить историю развития не только этого влияния, но и историю процессов, которые привели к самому факту подобного влияния.

Для достижения поставленной цели и реализации описанной задачи мы будем опираться исключительно на конкретные факты и первоисточники, труды самих классиков политической экономии, а также на исторические сведения, относящиеся к затрагиваемым историческим периодам. В проведенном исследовании мы старались отбросить идеалистические рассуждения и теории, такие как излишнее преувеличение роли личности в истории, выставление религии, философии и нравственных сторон человека и общества над объективными, материальными причинами и многие другие.

Только критический подход во всем и ко всему поможет наиболее глубоко и цельно изучить рассматриваемые нами вопросы и наиболее точно описать ту степень влияния французской экономической школы физиократов на экономическую мысль в России, которую она действительно имела по своим масштабам.

Глава 1. История политической экономики до физиократов

Поскольку одной из задач данной книги является рассмотрение влияния французской школы физиократов на экономическую политику в России именно в конкретном историческом контексте, необходимо в первую очередь разобраться в том, как европейская экономическая мысль вообще и французская экономическая мысль в частности пришли к физиократии как к одному из ведущих учений. Для этого мы не только проведем краткий обзор развития политической экономики как науки, но и рассмотрим основные учения и теории в конкретных исторических реалиях, а также рассмотрим, как данные реалии формировались.

§ 1. Зарождение политической экономии. Античное понимание экономики и первые труды, посвященные ей

К

ак только человечество преодолело эпоху варварства и вошло в эпоху цивилизации, людей немедленно заинтересовал вопрос того или иного теоретического обоснования и описания системы хозяйствования. Связано это было с тем, что сам данный переход произошел тогда, когда уровень развития производительных сил и производственных отношений дошел до того предела, когда стало возможным создание прибавочного продукта, то есть когда человечество перешло от хозяйства сугубо добывающего (охота, собирательство, рыболовство) к хозяйству производительному (земледелие, животноводство). Результатом этого стало то, что у людей начали появляться излишки продуктов питания, орудий труда и других жизненно необходимых ресурсов.

Появление же излишков послужило толчком к двум важнейшим этапам развития человеческого общества. Во-первых, накопление излишков позволило не только производить и добывать нужные ресурсы, но также получать их за счет прямого обмена между общинами. Из подобного еще крайне примитивного обмена сложилась торговля между различными общинами и племенами. Сами же племена начали вести между собой непрерывные войны с целью получения еще большего количества излишков производства за счет прямого насильственного их изъятия у соседей. Для того чтобы подобный захват проходил эффективнее и в больших масштабах, племена начали объединяться в группы племен, а группы племен, являвшиеся центрами военной силы и торговли, стали создавать первые города, которые в дальнейшем превратились в первые государства. Объединение племен, создание первых городов и первых государств также имело и обратную сторону – оно позволяло людям эффективнее защищать себя от соседей, а также позволило первым собственникам средств производства защищать себя от большинства населения. По сути уже в этот период (примерно шесть тысяч лет назад) начали складываться первые общественные классы, характеризующиеся в первую очередь отношением к средствам производства жизненно необходимых продуктов. Государство же стало одним из механизмов насилия и защиты, первым общественным институтом, к которому в дальнейшем начнут прибавляться новые институты, напрямую в него входящие.

Вторым моментом, к которому привело накопление излишков тех или иных продуктов, стало то, что у человечества тут же появилась потребность в описании и систематизации практического опыта ведения хозяйства в племени, городе и целом государстве.

Если мы будем говорить о первых государствах Евразии, таких как Египет, Месопотамия, Индия и Китай, то большинство дошедших до нас фрагментов письменных источников древности в первую очередь повествуют о той или иной экономической деятельности. Тем не менее все эти записи имеют крайне примитивный и чисто практический характер. К тому времени человечество еще не начало заниматься осознанным теоретическим описанием производственных процессов общества. Первые же серьезные и конкретно научные (или протонаучные) труды, посвященные вопросам политической экономии, относятся к периоду поздней классической Античной Греции (вторая половина V – середина IV в. до н. э.).

Пожалуй, первым, кто занялся вопросом создания теории хозяйствования, стал Ксенофонт (431–354 гг. до н. э.). Несмотря на то, что его имя в первую очередь ассоциируется с военным делом и историей и его главный труд «Анабасис» посвящен именно им, существует написанный им небольшой трактат – «Домострой» или «Экономик», который по сути является одним из первых сочинений, затрагивавших вопросы экономики.

Сразу стоит понимать, что данное произведение не является учебником либо трактатом в классическом смысле данного слова. «Домострой» написан в форме, присущей произведениям всех сократиков, то есть в форме диалога. Ксенофонт ведет повествование и рассуждение от лица Сократа, точно так же, как это делал и Платон в своих трудах о философии и политике.

Кроме того, «Домострой» не затрагивает вопросы экономики как науки или как общественного явления. Греки понимали под словом «экономия» (др.-греч. Οἰκονομικός) в первую очередь отдельное домохозяйство, в которое входили жилище, небольшая территория, прилегающая к данному жилищу, а также все люди, проживающие в домохозяйстве, включая рабов. Собственно, данное сочинение Ксенофонта за основу берет рассуждение о том, как нужно вести хозяйство и управлять самим домохозяйством.

Тем не менее уже тогда проглядываются положения первой политэкономической, чисто научной теории. Для разбора первого ключевого момента понимания Ксенофонтом экономики рассмотрим следующий фрагмент одной из глав «Домостроя»:

– Значит, эти предметы, хоть они одни и те же, для умеющего пользоваться каждым из них – ценность, а для не умеющего – не ценность: так, например, флейта для того, кто умеет искусно играть, – ценность, а кто не умеет, для того она ничем не лучше бесполезных камней, разве только он ее продаст.

– Вот именно к этому выводу мы и пришли: для того, кто не умеет пользоваться флейтой, если он ее продает, она ценность; а если не продает, а владеет ею, – не ценность.

– Мы говорим одинаково, Сократ, раз уже признано, что полезные предметы – ценность. И в самом деле, если не продавать флейту, то она не ценность, потому что она совершенно бесполезна; а если продавать, то ценность.

О чем конкретно здесь говорит Ксенофонт? Рассуждение о том, что для одного человека флейта является чем-то очень ценным, в то время как для другого абсолютно бесполезным, представляет собой не что иное, как рассуждение о потребительской ценности вещей и продуктов труда, то есть о том, насколько ценным является продукт для конкретного человека. Понятие потребительской ценности является одним из ключевых и первоначальных в экономике, и первое свое теоретическое выражение оно получило именно благодаря Ксенофону.

Далее Ксенофонт рассуждает о прибыли и правильном ведении хозяйства, используя тем не менее максимально общие фразы:

Ты знаешь одно средство к обогащению: ты умеешь жить так, чтоб оставался излишек.

Когда деньги на расходы полностью уходят из хозяйства, а работы исполняются не так, чтобы доход перевешивал трату, ничего мудреного нет в том, что вместо излишка получается недостаток.

Смысл данных высказываний представляется очевидным для современной экономической науки: прибыль есть остаток, который получает собственник средств производства (в данном случае земли и домохозяйства) после вычета всех затрат на ведение хозяйства и улучшения, связанные с его модернизацией. Если же после вычета всех затрат у собственника не остается остатка вовсе, либо же, что еще хуже, он вынужден тратить больше, чем ему удастся произвести и продать, то данное хозяйство никак нельзя назвать успешным и процветающим.

Кроме того, Ксенофонт также затрагивает вопрос о заработной плате и о справедливом ее размере и распределении.

У хороших работников появляется уныние, когда они видят, что работу исполняют они и тем не менее одинаковую с ними награду получают те, кто не хочет нести в нужный момент ни трудов, ни опасностей.

Здесь прослеживается сократическая риторика, которая всегда, во всех вопросах пыталась прийти к истине и определению того, что справедливо, а что нет. По сути, мы видим выражение идеи о том, что непосредственный производитель продукта либо собственник домохо-

зайства, который управляет последним, должны всегда получать справедливое вознаграждение за свой труд. Первый – потому что он затрачивает свои физические силы и тем самым «угрожает» собственному здоровью, второй – поскольку он берет на себя все риски по дальнейшей реализации продукта и развитию домохозяйства. Более того, данным высказыванием Ксенофонт косвенно преподносит идею о том, что не стоит платить одинаково всем работникам, а стоит учитывать количество труда и времени, которое было заложено каждым из них в производство продукта.

Все вышеописанные моменты являются крайне примитивными с современной точки зрения и не затрагивают многих других факторов функционирования как отдельного домохозяйства, так и множества хозяйств в рамках единой национальной экономической системы. Тем не менее колоссальная заслуга Ксенофонта заключается в том, что он, по сути, первым затронул вопросы экономики, хоть и в самой примитивной ее форме. Он был первым, кто попытался теоретически (пусть и за счет только сократических рассуждений и формальной логики) описать те или иные аспекты эффективного ведения хозяйства. Все последующие исследования в данной области в той или иной степени имеют в своей основе идеи, изложенные Ксенофонтом в его «Домострое».

Зачатки политэкономической теории Ксенофонта были развиты и расширены Аристотелем (384–322 гг. до н. э.). К главным его трудам, в большей степени затрагивающим вопросы политической экономии, относятся «Политика» и «Никомахова этика».

Стоит сразу отметить, что Аристотель точно так же, как и Ксенофонт, не был экономистом. Как уже говорилось, в то время в принципе не существовало понятий «экономика» и «политическая экономия» в том значении, которое мы придаем им сейчас. Аристотель в первую очередь был философом, который своей задачей ставил познание мира с исключительно философской точки зрения (поскольку других научных способов познания не существовало). Следовательно, вопросы, связанные с политической экономией, рассматривались им с точки зрения именно философии.

Если говорить о конкретных заслугах Аристотеля в области теоретического описания законов и явлений политической экономии, то он развил идеи Ксенофонта о потребительской ценности товаров, которая выражает современное понятие о потребительной стоимости. Принцип остался таким же, как у Ксенофонта: каждый товар имеет разную степень полезности для разных людей. Сама же степень полезности определяется количеством полезных качеств, необходимых непосредственному потребителю товара. Чем этих качеств больше, тем выше потребительная стоимость товара.

Одновременно с этим Аристотель вводит новое для политэкономии понятие о меновой стоимости. Он логически вывел то, что все товары обмениваются между собой по той или иной пропорции и стоимость их не одинакова. Эту пропорцию обмена Аристотель и назвал меновой стоимостью. Собственно, понятие о меновой стоимости является еще одним ключевым и основополагающим понятием экономической науки.

Рассматривая вопрос меновой стоимости, Аристотель пытался понять, что именно влияет на показатели пропорции, по которой один товар обменивается на другой. Для него было очевидно то, что условный товар № 1 в количестве n будет обмениваться на условный товар № 2 в количестве $n + 1$ и на условный товар № 3 в количестве $n + 2$. Пропорции обмена данных товаров разные, и ключевым здесь является определение того, что именно дает подобный коэффициент обмена. Однако Аристотель так и не смог выявить этот внутренний компонент товара.

Заходя немного вперед, стоит отметить, что экономические школы Нового времени (поздние меркантилисты, физиократы и представители школы классической политэкономии) смогли выявить этот непознанный Аристотелем компонент. Они утверждали, что пропорция обмена товаров определяется количеством труда, затраченного на их производство, а также

временем, которое требуется для доставки товара на рынок. Данное положение стало основой для трудовой теории стоимости, однако подробнее на ней мы остановимся в следующих главах.

Несмотря на то, что Аристотелю не удалось определить ключевой фактор меновой стоимости, его заслуги в развитии экономической науки сложно переоценить.

Понятие меновой стоимости, хоть до конца и не разработанное, стало еще одним этапом в становлении экономики как науки. Не стоит забывать о том, что все положения, выведенные Аристотелем, практически не имели под собой научной основы, а разрабатывались за счет формально-логических рассуждений и рассмотрения конкретных примеров и реалий той эпохи, в которой ему приходилось жить.

Еще одним положением, выведенным подобным образом, является концепция разделения труда. Аристотель, опять же чисто логически, определил, что сам обмен товаров возможен только тогда, когда люди производят разные продукты. Стоит уточнить, что здесь речь идет не о разделении трудового процесса на отдельные операции, сумма которых приводит к появлению готового продукта. Речь идет о разделении по сферам хозяйственной деятельности. По Аристотелю, всякий имеющий смысл обмен возможен лишь тогда, когда один человек занимается виноделием, другой – выращиванием хлеба, третий – разведением оливок и т. д.

Наконец, последним, но не менее важным для экономической науки достижением Аристотеля в данной области стало то, что он ввел новый термин хрематистики. Хрематистика по Аристотелю – наука об обогащении, искусство накапливать деньги, стремление к постоянному накоплению и преклонение перед прибылью. Аристотель писал о том, что в обществе существует небольшая группа людей, весь досуг которых занимает исключительно личное обогащение и постоянное накопление богатства. Эти люди не знают пределов накопления и практически никак не тратят накопленные средства. Для них сам факт накопления и увеличения количества денег (или их эквивалента) есть самоцель и сверхзадача.

Приверженцы хрематистики противопоставляются Аристотелем «человеку производящему», то есть человеку, который занимается «полезной» производственной деятельностью, получая за нее денежное или иное вознаграждение в виде заработной платы или прибыли. При этом человек производящий рассматривает деньги не как самоцель и не ставит главной задачей накопление. Он рассматривает деньги как инструмент, позволяющий развивать свое хозяйство и вести его еще эффективнее. Сам факт бесконтрольного и безграничного накопления Аристотель рассматривает как дурную сторону экономической деятельности, не способствующую процветанию и обогащению общества.

Делая общий вывод о работах Аристотеля, можно сказать, что прогрессивность самого его политэкономического учения по сравнению с идеями Ксенофонта состоит в том, что он начал рассматривать законы и характеристики системы хозяйствования всего общества, хоть и ограниченного рамками греческого полиса (города-государства – основной формы государства в период классической Античной Греции). Если Ксенофонт во многом говорил о чисто практической стороне экономической деятельности в рамках одного домохозяйства, то Аристотель вывел в том числе и экономику в созданную им систему категорий. Он обобщил многие моменты ксенофоновских рассуждений, дополнил их и расширил до пределов всего общества.

Прежде чем перейти к истории дальнейшего развития экономической науки и к периоду, непосредственно предшествовавшему учению физиократов, нам необходимо рассмотреть учения Ксенофонта и Аристотеля в рамках конкретного исторического контекста, поскольку, как говорилось ранее, только это поможет охарактеризовать ту или иную теорию как прогрессивную либо реакционную.

Во-первых, основной момент, который нужно учитывать при изучении трудов представленных классиков, заключается в том, что и Ксенофонт, и Аристотель жили и писали в эпоху рабовладения. Данная общественно-экономическая формация имеет множество характери-

стик, но непосредственно наша тема затрагивает лишь одну из них. При рабовладении не существовало рынка как такового, сам рынок товаров был далеко не всеобщим явлением. Большая часть производившегося тогда продукта с чисто экономической точки зрения не являлась товаром и в товар не превращалась. Продукт обращался либо путем натурального хозяйства, когда люди сами потребляли то, что производили, либо через натуральный обмен, минуя какой-либо рынок. Говоря максимально простым языком, две соседствующие виллы могли обменивать производимые продукты напрямую между собой (например, оливки на виноград и наоборот) без доставки их на рынок. Данным фактом объясняется, к примеру, то, что Ксенофонт рассматривал экономику лишь в рамках отдельного домохозяйства, а Аристотель так и не смог развить своего положения о меновой стоимости.

Подчеркнем еще раз: политическая экономия в Древней Греции не смогла получить дальнейшего развития и выйти из зачаточного состояния не потому, что конкретные мыслители не могли дать этого развития, а потому, что реалии конкретного исторического периода были таковыми, что какое-либо углубленное изучение данного вопроса не представлялось возможным. Тот уровень технологического развития общества, а также уровень развития производительных сил и производственных отношений не позволяли выйти за рамки имевшегося понимания не только экономических процессов, но и в принципе всего бытия. Проблема, стоявшая тогда перед научным сообществом (если данный термин вообще подходит под реалии Античности), не могла быть решена усилиями нескольких людей – непосредственных представителей сообщества. Очевидно, что Аристотель не мог вывести трудовую теорию стоимости на рынке товаров, поскольку сам рынок находился на зачаточном уровне и был крайне ограничен.

Все дальнейшие изменения, происходившие в науке, в том числе и в политической экономии, были напрямую вызваны изменениями в самом обществе. Развитие производительных сил и производственных отношений и последующее развитие общественной надстройки позволило изучать экономику на новом уровне, поскольку сама экономика изменилась и стала демонстрировать новые реалии и новые механизмы.

Представленное выше объяснение необходимо по двум причинам.

Во-первых, мы в очередной раз подчеркиваем, что только объективные причины, не зависящие от воли и желания конкретных людей, двигают ход истории. Наука развивается независимо с развитием общества, и никакие прогрессивные и инновационные идеи не представляются возможными до тех пор, пока не будет создана материальная и общественная база для их разработки.

Во-вторых, рассмотрение всяких научных теорий и идей в рамках конкретного исторического контекста позволяет критически относиться к этим самым теориям и идеям. Факт того, что мыслители Античности не смогли превратить политическую экономию в настоящую науку в современном понимании этого слова, ни в коем случае не умаляет значимости выдвинутых ими положений.

Именно идеи Ксенофонта и Аристотеля (в большей степени, конечно же, Аристотеля) стали основой для дальнейшего развития экономической науки. Несмотря на то, что с закатом Античности и переходом западной цивилизации в эпоху феодализма и Средневековья и вплоть до Нового времени практически не существовало крупных и значимых трудов по политической экономии, дальнейшее развитие и в каком-то смысле возрождение данной науки основывалось именно на трудах античных классиков. Выражаясь метафорически, Аристотель поставил двоеточие, за которым следовало длинное продолжение в виде различных теорий и школ. Учение Аристотеля, в том числе и экономическое, было предметом изучения как во Франции, так и в России, а заложенные им основы послужили началом к дальнейшему изучению политической экономии, но уже в абсолютно новых исторических реалиях.

§ 2. Политическая экономия в Средние века. Зарождение капитализма в Европе

О

дним из предшественников, а также одним из главных политэкономических учений до теории физиократов стал меркантилизм. Меркантилизм представлял собой кардинально новый этап развития экономической науки, поскольку, во-первых, был научно и теоретически обоснован (разумеется, с поправкой на уровень развития науки XVII в.), а во-вторых, продемонстрировал множество направлений и периодов развития. Более того, меркантилисты подкрепляли свои теории фактами из других, смежных с политической экономией наук.

Однако, прежде чем перейти к разбору учения меркантилистов, а также его влияния на экономическую политику европейских государств (в том числе Франции и России), мы считаем необходимым провести относительно подробный обзор того хода человеческой истории, который, собственно, и позволил меркантилизму появиться.

Начать стоит с заката Античности.

К началу IV в. развитие производительных сил и производственных отношений в Европе привело к тому, что рабовладение как общественно-экономическая формация начало постепенно умирать и новая система хозяйствования начала набирать силу. Главный рабовладельческий гегемон поздней Античности – Римская империя – постепенно начал приходить в упадок из-за невозможности дальнейшего своего расширения и, следовательно, приобретения нового производительного ресурса – рабов. Помимо этого, главный субъект римской экономики, аграрные латифундии (крупные виллы, владевшие рабами и занимавшиеся сельским хозяйством) в своем расширении дошли до той стадии, когда эффективность и производительность труда отдельного раба начала снижаться. Связано это было с характером самого рабовладения. Раб находится в условиях чисто физической эксплуатации, то есть от того, будет он работать или нет, напрямую зависела его жизнь. Какого-либо экономического интереса в своей деятельности раб не имел. Большие латифундии, на которых одновременно работали сотни рабов, автоматически предусматривали большое количество надсмотрщиков. В то же время сами надсмотрщики также требовали определенной степени контроля во избежание сговора с рабами, а факт того, что рабов было много, позволял последним выполнять свою работу не так качественно, как от них требовалось.

Все это привело к тому, что производительность труда отдельных хозяйств зависимых крестьян – колонов – стала приближаться к производительности труда рабов, а затем и превысила последнюю. Итогом стало то, что больше не было единого экономического фактора, который бы обуславливал существование такого колоссального государства, как Римская империя. Государство постепенно начало разрушаться на части. К концу V в. западная часть империи распалась на множество отдельных территорий, которые вскоре образовали первые средневековые королевства и княжества. Началась эпоха феодализма.

Если говорить о развитии экономической науки, то в Средние века практически не было трудов, посвященных изучению системы хозяйствования.

Основной причиной относительного затишья в политэкономии стало общественное устройство самого феодализма.

В этот период по всей Европе, от Португалии до Волги и от Шотландии до Балкан, христианство являлось ведущей религией. Общественный институт христианской церкви обладал колоссальным влиянием не только на повседневную жизнь людей, но и на науку, право и государство в целом. Вплоть до XVI в. церковь представляла собой главный идеологический инструмент общества. Более того, именно церковь определяла принадлежность людей и их

самосознание. В Средние века еще не существовало понятия нации и условная система «свой – чужой» работала исключительно за счет принадлежности к той или иной религии.

Упомянув о колоссальном влиянии церкви на науку, стоит отметить, что она не просто влияла, но фактически подменяла собой науку как сферу жизнедеятельности человека. По сути, в период Раннего, Высокого и большей части Позднего Средневековья не существовало других более-менее развитых способов рефлексии над окружающим миром, кроме религиозного познания. Большую часть того малого процента образованных людей Средневековья составляли деятели церкви, которые, опираясь на религиозные догматы, старались объяснить устройство мира. При этом они практически не обращали внимания на экономическую науку, посвящая всю свою деятельность философии, астрологии и социологии, которая также еще не имела такого названия, но имела схожий с современной наукой объект изучения.

Таким образом, политическая экономия в Средние века все еще оставалась на том зачаточном уровне, который создали античные философы. Новую жизнь в данную науку смог вдохнуть лишь приход капитализма.

Точно так же, как и феодализм, капитализм не был явлением, появившимся моментально на основании субъективного человеческого фактора. Становление капитализма в Европе, а затем и во всем мире – это процесс, который занял несколько веков от своего зарождения до окончательного укрепления.

Корни капитализма прослеживаются еще в период Высокого Средневековья (XII–XIII вв.). Данный период характеризуется несколькими факторами, которые привели к началу разложения экономической формации феодализма.

Во-первых, данный временной промежуток является периодом окончательного установления средневекового климатического оптимума, характеризующегося относительно теплым климатом во всем Северном полушарии. Благоприятный и мягкий климат в Европе привел к повышению урожайности сельскохозяйственных территорий, а также к общему увеличению численности населения. Это привело к тому, что ведущие европейские державы того времени отказались от практики закрепощения крестьян. Ранее крепостное право было необходимым, поскольку отрыв крестьян от земли, их уход на новые территории и дробление населения приводили к снижению производительности феодальных хозяйств. Теперь же количество крестьян резко возросло, необходимость в их закрепощении отпала. К примеру, Франция и Англия (первая в силу еще более благоприятного географического положения) отказались от крепостного права уже в XIII в., хотя территорией, на которой крепостничество было отменено впервые, являются города-государства северной Италии (XII в.). Следовательно, мы можем говорить о приросте населения и увеличении прибавочного продукта, что, собственно, и является основой для перехода к новой экономической формации.

Во-вторых, важную роль в становлении капитализма сыграло развитие производительных сил. Уже в XII в. в Европе наблюдается массовое использование системы трехполья вместо двухполья. Принцип был следующим: пашня делилась на три отдельных участка (паровая часть, яровая часть и озимая часть – для каждого вида культур соответственно). Часть, которая имевалась паром, использовалась как пастбище для животных. На следующий год части менялись местами, пар переносился на другой участок. На третий год происходило то же самое, а на четвертый год цикл повторялся заново.

Сама система трехполья была прогрессивной по сравнению с двухпольем, поскольку, во-первых, была выгоднее экономически, а во-вторых, гарантировала крестьян от неурожая и голода, поскольку, если какой-либо из погодных сезонов оказывался неудачным, у крестьян сохранялась хотя бы часть урожая (за счет одновременного высаживания и яровых и озимых культур, высаживаемых и собираемых в разное время года).

Помимо новой системы севооборота развивались и средства производства. К XII в. по всей Европе начал господствовать плечевой хомут для лошадей (вместо используемого ранее

шейного хомута, а также ярма). Это привело к тому, что в сельском хозяйстве для вспашки земли стали активно использовать лошадей, заменяя ими волов. Преимущества использования конной тяги были очевидны. Во-первых, лошадь потребляет гораздо меньше корма, а во-вторых, скорость вспахивания земли лошадью примерно в два-три раза выше скорости вспахивания волами. Еще одним достижением в вопросе вспахивания земли стало то, что сельскохозяйственных лошадей начали массово подковывать. Это увеличивало сцепление копыт с почвой, и скорость пахоты заметно возрастала.

Еще одним нововведением, которое повлияло как на сельское хозяйство, так и на промышленное (опять же, если данный термин уместен в контексте средневековой экономики) производство, стало массовое внедрение водяных и ветряных мельниц. Если водяная мельница была известна европейской цивилизации еще со времен Римской империи, то ветряки стали настоящим новшеством, которое отвечало в том числе и климатическим условиям континента. Достаточно было поставить мельницу на возвышенность, увеличить площадь крыльев, и ветряк мог работать постоянно. Итогом стало то, что резко повышалась скорость производства хлеба, а значит, увеличивался прибавочный продукт.

Водяные мельницы дали очевидное преимущество и для кузнечного дела. Если ранее металлические орудия труда и оружие выковывались исключительно вручную, то теперь процесс стал относительно автоматизированным. Очевидно, что человек, каким бы он ни был профессионалом, каждый раз орудуя молотом по-разному. Каждый удар будет иметь разную силу и точность, здесь работает исключительно человеческий фактор (кузнец может устать или банально промахнуться). Следовательно, качество самих орудий может быть неодинаковым, поскольку в какой-то момент пострадала точность самой технологии изготовления. Кузнечный молот, соединенный с водяной мельницей, крайне эффективно решает данную проблему. Постоянное движение воды позволяет наносить удары одной силой и с одинаковой периодичностью, что резко повышает качество конечного продукта и снижает риск получения брака до минимума. Кроме того, водяные мельницы стали использоваться и в ткацком деле, что также повысило общее качество тканей и скорость их производства.

Все описанные выше факторы в первую очередь привели к увеличению производительности труда и к колоссальному демографическому росту, а повсеместный отказ от института крепостничества и дальнейшее его отмирание привели к тому, что крестьяне стали массово переселяться с ранее занимаемых ими территорий. Но, поскольку сельскохозяйственная местность была уже не в состоянии держать такое количество людей, которое проживало в Европе в то время (к примеру, во Франции население за сто лет, с начала XIII до начала XIV в., выросло втрое – с семи до двадцати одного миллиона), крестьяне стали массово переселяться в города, вызвав небывалый до этого рост последних. Рост городов закономерно вызвал рост производства в этих городах. За счет роста населения повысилась общая концентрация трудовых и материальных ресурсов в одном конкретном месте, и благодаря этому стали расширяться купеческие и ремесленные цеха и гильдии, представлявшие собой основу промышленного производства Средних веков. Крупнейшими центрами именно промышленного средневекового производства стали города Северной Италии (Венеция, Милан, Генуя и др.), однако, их постепенно догоняла Франция, а затем и другие крупные государства средневековой Европы.

Отдельно стоит поговорить о непосредственно купеческих гильдиях, поскольку их важность для торговли, а значит для становления капитализма, а впоследствии и для теории меркантилизма сложно переоценить.

Сразу стоит отметить, что создание крупных профессиональных объединений купцов точно так же имело в основе чисто объективные причины. Для их понимания нам потребуется вернуться на пару веков назад.

Еще в XI в. в Европе довольно массовым явлением стали ярмарки. Они представляли собой мероприятия, на которых собирались купцы из разных концов Европы и Азии в первую

очередь для ведения профессиональной деятельности. На ярмарках демонстрировались те или иные виды товаров, велись переговоры и заключались контракты. То есть в период с XI по XIII в. именно ярмарки являлись основным способом налаживания и развития торговых отношений между государствами и даже целыми частями света. От подобной практики особенно выигрывала Франция в силу выгодного географического положения, которое связывало между собой разные части Европы. Проведение же торговых сделок в обход французских ярмарок было проблематичным, поскольку транспорт и системы навигации того периода не позволяли совершать длительные морские переходы.

Однако развитие производительных сил, то есть орудий труда и технологий, снова сказало свое слово.

К XIII в. в Европе начинает массово внедряться новый подход в кораблестроении. В это время корабельный руль начинают приделывать непосредственно к ахтерштевню – задней оконечности корабля в виде жесткой балки или рамы, на которой замыкались киль и борт судна. Результат данного инженерного решения был колоссальным: теперь корабли куда меньше зависели от ветра, стало возможным чисто механическое управление судном, то есть увеличились расстояния, на которые можно было плавать. Помимо этого, буквально одновременно с внедрением новой технологии корабельного руля появился и массово начал использоваться компас. Все это в совокупности дало возможность совершать океанские морские переходы.

Помимо увеличения общего расстояния, на которое стало возможно совершать походы по морям, последние становились внесезонными. Если раньше всякое мореплавание в Западной и Северной Европе прекращалось с наступлением холодов, а корабли консервировались на зиму, то уже к середине XIII в. ситуация кардинально изменилась. Корабли могли ходить круглый год.

Для торговли это значило ровно одно – теперь появилась возможность напрямую заключать контракты с торговыми контрагентами, а также возить товары на большие расстояния. Следовательно, уже к концу XIII в. ярмарка как явление утратила свою первостепенную торговообразующую значимость.

Именно это и стало отправной точкой для формирования колоссальных по своим масштабам и объемам затраченных ресурсов купеческих гильдий. Отдельные купцы по вполне объективным причинам стали объединять свои денежные и производственные капиталы для увеличения экспорта и импорта товаров, а значит для получения больших прибылей. Концентрация материальных и людских ресурсов увеличилась на порядок. По сути, европейские купеческие гильдии XIII–XIV вв. стали настоящими протокапиталистическими корпорациями.

И наконец, последним фактором, который привел Европу к капитализму, стал повсеместный отказ от натурального обмена продуктами и переход к монетарному обмену. Продукт окончательно превратился в товар, который уже обменивался не на другой продукт, а на деньги, ставшие универсальным средством обмена. Именно период XIII в., а в последующем XIV и XV вв. стал временем формирования общеевропейских валют (английский фунт, чешский грош, французский ливр). Развитие монетарной системы расчета, во-первых, еще сильнее стимулировало торговлю, а во-вторых, позволило создавать денежные накопления, то есть капитал в современном понимании этого слова.

Массовое внедрение денег стало толчком к развитию еще одной, уже чисто капиталистической отрасли хозяйствования. Уже к XIII в. в Европе начали массово появляться коммерческие банки. При этом, когда мы говорим о банках, то имеем в виду именно это слово в современном его понимании. Практика предоставления денег в долг под проценты известна человечеству еще со времен Античности, и в Раннее Средневековье также существовали банки, занимавшиеся кредитованием (несмотря на все протесты католической церкви). Но теперь банк стал настоящим финансовым институтом со своей системой управления, клиентской базой и международными контактами. Более того, уже в это время появляются целые

банковские корпорации, формировавшиеся по тому же принципу, что и купеческие гильдии: несколько банкиров объединяли свои капиталы и отделения с той целью, чтобы увеличить территорию охвата своей деятельности и получать фактически большие проценты с займов, то есть увеличивать собственную прибыль.

Мы не просто так привели довольно длинное описание того, что происходило с европейской экономикой в период Высокого и Позднего Средневековья. Мы посчитали необходимым продемонстрировать чисто материальную сторону появления капитализма, чтобы еще раз подчеркнуть, что данная общественно-экономическая формация не была результатом реализации желаний одного или нескольких прогрессивно мыслящих индивидов. Становление капитализма имело под собой конкретные материальные, объективные причины, а в сам процесс на огромной территории были втянуты миллионы и десятки миллионов людей, которые не осознавали в полной мере того, что происходит, но упорно двигались дальше вместе с объективным ходом истории.

Однако описанные нами явления стали лишь толчком и материальной базой для перехода феодализма к капитализму, но совершить это переход сами они не могли. Поэтому мы считаем необходимым упомянуть и о проблемах, о неких реакционных силах средневекового общества, которые не позволяли этому самому обществу перейти к новой общественно-экономической формации, и о том, как эти реакционные силы были преодолены.

Окончательное становление капитализма тормозилось по двум основным взаимосвязанным и влияющим друг на друга причинам.

Во-первых, колоссальный демографический рост в странах Западной и Центральной Европы, о котором было сказано выше, привел к тому, что начали заселяться территории, которые ранее оставались свободными от воздействия человека. Прямым следствием этого стало то, что уже к концу XIII в. внутренний резерв колонизации в Европе был исчерпан. Сама территория уже едва ли могла выдержать количество проживающих на ней людей. Необходимы были новые районы расселения. Получить их можно было ровно двумя способами, известными тогдашнему феодальному обществу: путем прямого силового присоединения, то есть войны, либо путем расширения территории в глубину, то есть улучшения качества земли, ранее считавшейся непригодной для заселения и ведения сельского хозяйства. Немного позже мы подробнее остановимся на втором варианте. Что касается возможности прямого военного присоединения, то здесь имелись серьезные ограничения.

В первую очередь нужно понимать, что средневековая война кардинально отличается от войны современной. Это война, в которой практически невозможными считались постановка долго идущих, стратегических целей, а также продолжение борьбы до полной капитуляции одной из противоборствующих сторон. За редким исключением, театр военных действий был крайне ограничен как территориально, так и со стороны задействованных людских и материальных ресурсов. Следовательно, какие-либо крупные территориальные захваты представлялись практически невозможными.

Второй и не менее важный аспект – это финансовая система, которая, по сути, и питает вооруженные силы. В Средние века банально не существовало понятия постоянного, ежегодного налогообложения. Большинство средневековых налогов являлись экстраординарными, взимаемыми одноразово для конкретных мероприятий (в том числе и для войны). Если говорить о воинском контингенте, то рыцарство как основная военная сила долгое время должно было само снаряжать себя на войну и отрываться от собственного хозяйства (ведь каждый рыцарь являлся мелким феодалом). То есть, у средневековой военной машины банально не было материальной базы, которая позволила бы ей развернуться в полную мощь, и чаще всего государство-победитель теряло на войне куда больше, чем приобретало.

Таким образом, невозможность дальнейшей колонизации внутренних территорий Европы стала первой проблемой, не позволяющей укрепиться капитализму. Вторая же проблема непосредственно связана с первой.

Мы говорим об ограниченности рынков сбыта товаров. Еще в первой главе нашей работы, рассматривая экономическую мысль в период Античности, мы говорили о том, что в то время не существовало такого явления, как рынок товаров, он еще банально не был сформирован. В поздней Античности, а затем и в Средневековье рынок уже сформировался и даже заметно расширился (хотя были и периоды серьезного спада и регресса, например, связанные с падением Римской империи и переходом к феодализму). Тем не менее, все те изменения и нововведения в средствах и процессах производства, массово внедрявшиеся в период с XII по XIV в., и последовавшее за ними накопление прибавочного продукта требовали все больших возможностей для сбыта товаров. Ограниченность рынка тормозила повышение производительности труда, поскольку увеличение объема производимого продукта при том же размере рынка привело бы к общему падению цен. Говоря современным языком, предложение превысило бы спрос.

Сам же рынок должен был расширяться по вполне объективным причинам. Связано это было и с новыми средствами производства, и с массовым введением именно денежного товарооборота. Сохранение рынков сбыта в их прежних рамках в итоге сыграло бы разрушительную роль для всей системы хозяйствования.

У читателя может возникнуть закономерный вопрос: «Если рынки требуют расширения и возможности внутренней экстенсивной колонизации исчерпаны, и при этом военное решение проблемы представляется практически невозможным и не приведет к желаемым результатам, то почему не остановиться на втором моменте с интенсивной (качественной) внутренней колонизацией и внутренним расширением рынков?» На этом мы сейчас и остановимся.

Дело в том, что решение вопроса по предложенному пути упирается в препятствие, созданное самой феодальной системой существования общества. Феодализм предусматривает феодальную раздробленность и отсутствие какой-либо вменяемой централизации. Когда мы говорим о средневековой Франции (поскольку акцент мы изначально сделали именно на ней), то не нужно понимать под ней то государство Франция, которое существует сейчас или существовало сто, двести и даже триста лет назад. Под Францией в контексте Средних веков мы понимаем в первую очередь территорию, на которой сейчас находится современная Французская республика. В XII, XIII и XIV вв. эта территория была в буквальном смысле разорвана на множество герцогств и графств, которые не только крайне редко работали в рамках единой системы хозяйствования, но порой и откровенно враждовали друг с другом. Безусловно, все герцоги, маркизы и графы давали присягу королю Франции (за что, собственно, и получали свои земли в обмен на гарантии служить государю), но это была скорее формальность, которая далеко не всегда работала на практике. Даже сам король был таким же феодалом и считался лишь «первым среди равных», но не абсолютным монархом, чья воля руководила жизнью государства. Более того, в Средние века в принципе не существовало понятия нации в современном его значении. «Своими» считались те, кто проживал на данной конкретной территории, исповедовал одну религию и был вассалом конкретного сюзерена. В XIV в. не было французов, но были бретонцы, фламандцы, бургундцы, гиенцы (которые к тому же были вассалами английского короля) и множество других территориальных групп.

Подобная ситуация никак не способствовала переходу к капитализму, а наоборот, тормозила его. Улучшение новых территорий для того, чтобы на них можно было селиться и выращивать сельскохозяйственные культуры, требовало серьезных, конкретно централизованных усилий. Факт того, что определенная территория могла быть разделена между несколькими феодалами, имевшими только свои объективные интересы и едва ли заботящимися об интересах государства, не позволял получить этих централизованных усилий. Как итог, интен-

сивная внутренняя колонизация земель и расширение внутренних рынков сбыта становились невозможными. То есть экономический базис за счет развития средств производства и производственных отношений уже дошел до стадии перехода к новой общественно-экономической формации, но данный переход сдерживался собственной общественной (в данном случае феодальной) надстройкой. Решение было только одним – уничтожение феодальной раздробленности и полная централизация государства вокруг единого экономического, а затем и политического центра.

Собственно, эта цель и преследовалась французскими и английскими монархами на протяжении серии конфликтов, вошедших в историю под названием Столетней войны (1337–1453 гг.). Вопрос стоял в том, кто именно, французский или английский король, станет тем экономическим и политическим центром, вокруг которого будет формироваться единое централизованное государство с качественно новой, капиталистической системой хозяйствования.

Данная задача в итоге была решена путем кровопролития, которое затем перекинулось и на всю Европу. Франция выиграла Столетнюю войну и стала главным субъектом экономической и политической централизации, но, несмотря на это, большинству европейских государств пришлось пройти еще через десятки войн и буржуазных революций (Восьмидесятилетняя война в Нидерландах, Английская и Французская буржуазные революции, Тридцатилетняя война, Англо-голландские войны и т. д.), прежде чем капитализм смог окончательно утвердиться на большей части современной Европы в XVII и XVIII вв.

Последующему становлению и укреплению капитализма способствовали дальнейшее развитие производительных сил, вызванное все большим научно-техническим прогрессом, а также колонизация Нового Света, которая дала Европе, во-первых, колоссальный приток ресурсов (в том числе и драгоценных металлов, что, в совокупности с освоением новых серебряных рудников в Германии, позволило окончательно перейти на товарно-денежный обмен), а во-вторых, громадные рынки сбыта собственных товаров. Торговля расцвела, став уже не просто всеевропейской, а межконтинентальной, а сами торговые гильдии и банковские объединения превратились в настоящие капиталистические компании и корпорации.

Читатель может заметить, что весь данный параграф является своего рода отступлением от нашей основной темы. Мы практически не затронули вопрос развития экономической мысли в рассматриваемый период, сосредоточившись на освещении событий и на материальной основе становления капитализма в Европе. Однако мы посчитали данное отступление необходимым. Ранее мы неоднократно говорили о том, что всякое научное течение, теория или идея строятся на вполне конкретном историческом контексте. Понимание же исторического контекста возможно лишь тогда, когда станут понятны объективные причины прихода общества к тому или иному периоду своего развития. Пытаться разбирать научные теории и идеи, к тому же экономические теории и идеи, без понимания исторического контекста и уровня технологического и экономического развития общества в конкретный период, и уж, тем более, давать им какую-либо оценку – значит заниматься построением голословных заключений в отрыве от материальной основы данных теорий. Мы неоднократно говорили о том, что наша задача состоит в объективном рассмотрении экономических учений разных периодов развития человеческой цивилизации, в отрешении от всякого идеализма в науке. Весь этот параграф является еще одним крупным шагом к достижению поставленной нами цели.

Теперь же, когда мы подвели читателя к моменту окончательного укоренения и дальнейшего развития капитализма в Европе, мы можем обратиться к политэкономическим учениям, взявшим на себя ответственность теоретически рассмотреть законы данной экономической формации.

§ 3. Меркантилизм как первое экономическое учение капитализма. Важнейшие идеи и представители

Р

ассмотрев историю становления капитализма в Европе, и в частности во Франции, мы считаем возможным перейти к рассмотрению экономических теорий, начинавших складываться в этот период.

Как было сказано в предыдущем параграфе, первым экономическим учением в современном понимании этого слова стал меркантилизм. Основные идеи меркантилизма таковы:

- 1) богатство государства во многом определяется через количество денег или массу драгоценных металлов, принадлежащих государству;
- 2) торговля – основной источник получения богатства;
- 3) торговый капитал является главным капиталом, а все остальные виды капитала (ссудный, производственный и т. д.) есть лишь инструменты для его реализации.

Появление теории меркантилизма также имело под собой объективно-исторические, чисто материальные причины. О многих из них было сказано в предыдущем параграфе при рассмотрении процесса перехода европейской системы хозяйствования от феодализма к капитализму. Однако еще одним ключевым событием, подтолкнувшим научное сообщество XVI в. к созданию конкретного теоретического описания данной системы хозяйствования, стала колонизация Нового Света.

Открытие испанцами и португальцами, а в дальнейшем французами, голландцами и англичанами громадных территорий на другой стороне Атлантического океана, а также последующее освоение территорий на побережье Западной Африки стало колоссальным по своему значению событием, в том числе и для европейской экономики. Во-первых, европейские государства снова вернулись к использованию труда рабов, набравшихся из числа пленных туземцев. Рабы практически не завозились в метрополии, а использовались исключительно в колониях. Стоит отметить, что немалая часть чернокожего населения Африки, к примеру, была получена европейцами не за счет прямого военного захвата, а была «выкуплена» у местных вождей племен.

Во-вторых, колонизация двух Америк с их богатейшими месторождениями серебра и золота на порядок увеличила объем монетарной массы в европейской экономике. Потоки драгоценных металлов, хлынувшие в Европу (в первую очередь в Испанию и Португалию), позволили повсеместно чеканить монету. Деньги окончательно укрепились в своем статусе универсального средства обмена.

Именно на данном этапе и стало зарождаться учение меркантилистов, а точнее первая и самая примитивная его фаза – монетарный меркантилизм.

Главный постулат, пропагандируемый данным учением, был крайне прост: богатство, неважно, отдельного ли человека, корпорации или целого государства, зависит от количества денег. Всякая коммерческая либо любая другая экономическая деятельность должна рассматривать денежную прибыль и увеличение денежного капитала как одну из основных своих целей. По сути, теория монетарного меркантилизма в своем понимании того, для чего нужны деньги, практически не продвинулась вперед от феодального понимания необходимости денег. Сразу стоит сказать, что школу монетарного меркантилизма нельзя назвать настоящей научной экономической школой, поскольку едва ли существуют настоящие научные теоретические труды по политической экономии XVI в., написанные современниками. Данная теория появилась из чисто практических наблюдений и продвигалась практиками, которые видели в ней чисто логические закономерности и старались продвигать их уже на государственном уровне.

Отдельно стоит остановиться на моменте с государством. Мы уже говорили о факторе феодальной политической раздробленности, сдерживавшем переход Европы к капитализму. Мы также вскользь упомянули о том, что в Позднее Средневековье перед государственной властью практически всех крупных европейских стран встал вопрос централизации, жизненно необходимой для перехода к новой общественно-экономической формации. В итоге за счет множества войн разного масштаба эта проблема была решена. К XVI в. наблюдается общая ускоренная централизация европейских государств. Понятие «нация» приобретает свою современную форму и не ограничивается вопросами вероисповедания, а также принадлежности к той или иной части страны. Собственно, это и является одним из факторов окончательного укрепления капитализма и появления экономической теории меркантилистов.

Однако сама данная теория (здесь мы можем даже говорить о мировоззрении и о понимании бытия, поскольку современная наука с ее понятиями лишь зарождалась) была одним из факторов, приведших Европу XVI в. к событию, на котором мы остановимся подробнее. Оно точно так же было связано с интенсивной колонизацией Нового Света.

Мы уже неоднократно упоминали о том, что уже к XIV, а затем и к XV в. в Европе наблюдался переход от натурального обмена товарами к монетарному обмену. Деньги получили повсеместное распространение. Колоссальные массы драгоценных металлов, хлынувшие из Америки, в совокупности с увеличением объемов добываемой серебряной руды в Германии (благодаря новому технологическому скачку в металлургии) позволили окончательно перейти на товарно-денежный обмен. Однако вскоре открылась и вторая, куда менее приятная сторона данного явления.

Приток драгоценных металлов и последовавшее за ним увеличение монетарной массы привели к катастрофической инфляции практически на всей территории Европы. Говоря примитивным языком, денег стало столько, что на них нечего было купить. Это привело к череде событий в экономике Европы, вошедших в историю под названием «революция цен».

Никогда еще континентальная Европа не сталкивалась с подобной ситуацией со времен фактического падения Западной Римской империи за одиннадцать веков до этого (хотя там ситуация была другой, когда денежная масса уменьшилась настолько, что долгое время на всей территории Европы господствовал натуральный обмен). В течение тридцати – тридцати пяти лет цены абсолютно на все товары, от хлеба и иных продуктов питания до лошадей и ювелирных изделий, выросли в пять – семь, а местами и в десять раз.

Сложившаяся ситуация уже к середине XVI в. показала несостоятельность теории монетарного меркантилизма. Образованные люди того времени (стоит заметить, что к этому времени сам институт образования и сфера науки выросли на порядок, по сравнению с Поздним Средневековьем) стали замечать процессы, проходившие в экономике, и колоссальная инфляция также не ушла от их внимания. Стало очевидно, что богатство отдельного человека, корпорации и целого государства не может выражаться в банальном количестве серебра или золота. Вопрос о том, что именно определяет богатство, в очередной раз стал открытым. И именно здесь меркантилизм начал переход к своей второй фазе – торговому меркантилизму, основанному на идее торгового баланса.

Теория торгового баланса заключалась в следующем: в отличие от монетарного меркантилизма, ставившего в приоритет монетарную массу и, следовательно, настаивавшего на запрете вывоза денег из страны, меркантилизм второй стадии наиболее выгодным и благоприятным для государственной экономики фактором считал возможность реализации денег за границей. Однако эта реализация должна была проходить определенным образом. Ключевым было то, что купец должен был приобрести товар за куда меньшую сумму, а продать за гораздо большую.

Очевидно, что торговый меркантилизм поставил торговлю на первое место по степени важности для национальной экономики.

Первым, кто высказался по этому поводу и попытался теоретически обосновать данную теорию, стал Антуан Монкретьен де Ваттевиль (1576–1621 гг.). Он не был экономистом и никогда не занимался какой-либо экономической деятельностью. Биография Монкретьена вообще представляется довольно насыщенной. Сын аптекаря, сирота с ранних лет, он большую часть своей жизни посвятил литературному творчеству. Сейчас Монкретьена относят к числу французских драматургов раннего Нового Времени, трагедии которого посвящены либо сюжетам древнегреческой мифологии, либо истории Англии эпохи становления Тюдоров. Сам автор сбежал из Франции, преследуемый законом (он убил своего соперника на дуэли), и поселился при английском дворе короля Якова I, хотя вскоре все равно вернулся на родину (в том числе благодаря ходатайству последнего).

Монкретьен написал ровно один труд по экономике – «Трактат о политической экономии», вышедший в свет в 1615 г. Ни до, ни после он не писал ничего подобного, полностью погрузившись в драматургию. Собственно, сам термин «политическая экономия» в значении экономической науки был впервые введен Антуаном де Монкретьеном и в последующем стал использоваться всеми экономистами вплоть до XX в.

Трактат представляет собой сборник рекомендаций самого разного масштаба и направленности. Монкретьен рассуждает о том, как женщинам стоит вести домашнее хозяйство, купцам – коммерческую деятельность, а землевладельцам – распоряжаться землей и рентой. Однако несколько последних глав данного произведения являются рекомендациями для представителей высшей государственной власти о том, как целое государство должно вести экономическую деятельность для сохранения и преумножения собственного богатства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.